

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-361-381>

Политическая теология на римских монетах (случай Галлиена)

Р. Б. Галанин

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
mousse2006@mail.ru

А. Г. Курбатов

Санкт-Петербургская духовная академия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
anatolij.kurbatov.95@mail.ru

В. С. Минак

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ordogeometricus@mail.ru

Для цитирования:

Галанин Р. Б., Курбатов А. Г., Минак В. С. Политическая теология на римских монетах (случай Галлиена) // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. С. 361–381. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-361-381>

Аннотация. Монетная чеканка, помимо своих утилитарных целей, имела целый ряд символических задач, в том числе связанных с религиозно-политической пропагандой и с фиксацией актуального модуса политической субъектности правителя. Это хорошо заметно на примере римских императоров и их монетных эмиссий. Такая фиксация всегда сопровождалась указанием на санкцию со стороны богов, причём санкцию конкретную, касающуюся понятных для «читателя» монеты обстоятельств. Фигуры божеств, сопровождающие их сакральные символы, животные, надписи-толкования делают монетный выпуск чётким политическим жестом, сформулированным в полном соответствии с политическими и общественными коннотациями римской теологии. Монеты в некотором роде становятся продолжением и проекцией «политического тела» государя, распространяя его на всё пространство Imperium Romanum. Сомнения в том, что монетные эмиссии имели визуально-пропагандистский характер, едва ли обоснованы, так как соответствие изображений, а также надписей на их аверсах и реверсах политическим и религиозно-теологическим программам римских государей устанавливается достаточно очевидно. Один из примеров проявления подобной теолого-политической субъектности императора (монеты Галлиена) мы рассматриваем в данной статье, сопоставляя имеющуюся информацию о его политической деятельности, религиозных предпочтениях, филэллинстве, покровительстве Плотину с визуальной презентацией политики Галлиена в разных типах монет, относящихся к различным периодам его правления.

Высказывается предположение, что изобилие богов на его монетных выпусках, особенно периода единоличного правления, вызвано претензией императора на роль центрального фактора «богочеловеческой» коммуникации. Таким образом верность императору становилась необходимым условием покровительства со стороны божественных сфер.

Ключевые слова: римская теология, политическая субъектность, визуализация власти, древнеримская пропаганда, монетная эмиссия, античная история, античная философия.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-1800971 «Субъект в античной философии: ключевые парадигмы и их рецепция в культуре Запада и России» в Российском государственном гуманитарном университете, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>.

Political theology on Roman coins (the case of Gallienus)

Rustam B. Galanin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
mousse2006@mail.ru

Anatolij G. Kurbatov

St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russian Federation
anatolij.kurbatov.95@mail.ru

Vyacheslav S. Minak

Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russian Federation
ordogeometricus@mail.ru

For citation:

Galanin R. B., Kurbatov A. G., Minak V. S. Political theology on Roman coins (the case of Gallienus). *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 2. Pp. 361–381. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-361-381>

Abstract. The connection between ancient coin emissions, especially ancient Roman ones, and political, religious and cultural propaganda is one of the topics that make the study of ancient Greek and Roman coins not only a matter for numismatists, specialists in economic and political history, but also for historians of philosophy. In addition to its utilitarian purposes, coin minting had a number of symbolic tasks, including those related to political propaganda and the recording of the current mode of political subjectivity of the ruler. This is clearly visible in the example of the Roman emperors and their coinage. In a way, the coins become a continuation and projection of the “political body” of the sovereign, showing how the emperor understood it in the context of “numismatic theology”. The recording of the mode of political subjectivity was always accompanied by some sanction of gods, and a specific sanction, concerning circumstances understandable to the “reader” of the coin. The figures of deities, the sacred symbols accompanying them, animals, and interpretative inscriptions make the coin issue a clear political gesture, formulated in full accordance with the political and social connota-

tions of Roman theology. The article gives an example of such theological-political subjectivity of the emperor (Gallienus' coins). We compare the available information about his political activities, religious preferences, Philhellenism, and patronage of Plotinus with a visual presentation of Gallienus' policies in various types of coins dating back to different periods of his reign. It is suggested that the abundance of gods on his coin issues, especially during the period of his sole rule, is caused by the emperor's claim to be the central factor of "god-human" communication. Thus, loyalty to the emperor became a necessary condition for protection from the divine realms.

Keywords: Roman theology, political subjectivity, visualization of power, ancient Roman propaganda, coin emission, ancient history, ancient philosophy.

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-1800971 "The concept of subject in ancient philosophy: key paradigms and their reception in the Western culture and Russia", in Russian State University for the Humanities, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>.

Тот, кто имеет право чеканить свою монету, обычно обладает полнотой политической власти, т. е. он является её субъектом. В имперском Риме таковым был, соответственно, император. Монета представляет собой символическое продление тела императора, или, говоря словами Делёза и Гваттари, тела деспота [Deleuze, Guattari 1972, 227–245], которое, будучи кодом, обеспечивает фиксацию (запись) потоков желания в докапиталистической экономике. Важно понимать, что тело императора – это не только и не столько физическое (биологическое) тело – в нашем случае тело конкретного человека Галлиена, – равно как и монета – это не просто объект из драгоценного металла, имеющий вес, размер и т. д. Монета – это даже не посредник в алгоритме товар-деньги-товар; монета – это семиотический конструкт (такой же как ритуал, дар, жертва, культ, элементы родства, война и проч.), при помощи которого, кодируясь и перекодирясь, на теле деспота записывается желание, поскольку тело императора – это поверхность записи. Записываясь на этой поверхности, потоки желания стекаются с периферии к центру фиксации, символизируемой фигурой императора, они «становятся телом деспота, самим деспотом или его богом» [Deleuze, Guattari 1972, 230]. Так, скажем, труд становится данью, моральные качества, например, храбрость, – жертвенностью во имя императора, любовь – инструментом дани в пользу империи и способом закрепления подчинения и т. п. Монета в этой семиотике выступает проекцией тела деспота – через изображение лица, титула, регалий и проч. – в социальную реальность. А поскольку серебро и золото, будучи прирученным и остывшим огнём, который, как сказал бы Гераклит, обменивается на всё, присутствует во всех жизненных операциях (ибо каждый шаг человека в той или иной степени связан с деньгами, может быть просчитан), – то через медиум денег / монет, обеспечивается присутствие имперского тела в каждом элементе данного пространства и времени. Все отношения в деспотической семиотике превращаются в долги и обязательства, и если при капиталистической экономике «монета» функционирует как абстрактный эквивалент, универсальный медиум, отпускающий потоки желания в режим свободной цир-

куляции, то при деспотической / имперской экономике монета, будучи осколком имперского тела, стремится к тому центру, откуда она как бы вырвалась через взрывное символическое излучение: монета стремится вернуть укрощённое желание к своему «божественному» истоку – телу императора.

Тут, конечно, правомерно уточнить, что под субъектом власти понимается нами никак не индивид, не человек-монарх, абсолютный субъект в гегелевском или политико-юридическом смысле. То, что император – не индивид, очевидно из того, что императоры сменяются, а значит император – это в первую очередь место. Всякое место занято телом; в нашем случае это абстрактное виртуальное тело, имеющее божественную легитимацию. Такое тело занимает топос абсолютного центра, который является гарантом и смыслом всех потоков. Деспот – это не суверен в смысле Бодена, Гоббса или Гегеля, это некая «втягивающая поверхность», поглощающая потоки желания и превращающая их в знаки долга и обязанности. В такой системе центр – везде, а периферия – нигде. Император, конечно, вездесущ благодаря не только монетам, но и статуям, воздвигаемым в общественно значимых местах, храмам, крепостям, дорогам, акведукам, сооружённым его именем, названиям новых или перестроенных городов (ср. Адрианову Элию Капитолину на месте разрушенного Иерусалима). Но именно монета вездесуща и везде уместна, она превосходит любые другие средства деспотического присутствия.

Вместе с тем, насколько уместно при обсуждении монетной программы говорить о политическом субъекте римского императора, стоящим за ней? Понятно, что ни император Галлиен, ни кто-либо из его окружения, ни даже такие близкие ко двору мыслители, как Плотин, не оперировали понятием субъекта в его современном содержательном «изводе» и не мыслили через него содержание своей деятельности или смыслы своих трудов. Однако методологический подход, который мы постарались прояснить в других публикациях [см.: Минак 2024], состоит в том, что к безусловно объективному содержанию, выраженному в текстах и в визуальных первоисточниках, вполне приложимы ключевые продукты мышления людей более поздних исторических периодов, в особенности если речь идёт об эпохе Модерна. Задачей такого подхода не является вторжение в объективное существо намерений создателей изображений для монетных эмиссий и их переинтерпретация до той степени, которая позволяет найти там что-то большее, нежели только предпосылки системы понятий и концептов последующих эпох. Но ведь ничто не мешает тому, чтобы само это содержание могло быть описано исходя из современных коннотаций, релевантных ему. По этой причине мы полагаем возможным не только использование этого термина («субъект») в качестве указания на то, что император по природе своего статуса выступает деятелем, а не объектом действия, но и как указание на определённую точку сборки, на те смыслы и контексты, где политический субъект действительно и осознанно выступает сувереном, а также на истоки его суверенности.

После этих предварительных замечаний обратимся к конкретному историческому материалу.

Связь античных монетных эмиссий, особенно древнеримских, с политической, религиозной и культурной пропагандой – одна из тем, которые делают изучение

древнегреческих и древнеримских монет не только делом нумизматов, специалистов по экономической и политической истории. Начиная с XIX столетия античные монеты рассматриваются также в качестве свидетельств о политических программах и амбициях государств или политиков, религиозном ландшафте эпохи их выпуска, цивилизационной специфике и культурной политике [Mommesen 1865–1875; Beaudeau 1955; Grant 1971; Абрамзон 1995; Suarez 2005]. Монета действительно имеет все возможности для того, чтобы трактоваться как уникальный инструмент пропаганды: это массовый артефакт, постоянно используемый в практической жизни, играющий важную роль в повседневности, в отношениях подданных с государством, в планировании экономического будущего индивида и семьи. Она очевидна и наглядна, буквально «подручна» и при этом обладает собственной ценностью. Порой открытие монетного обращения, которое приобрело массовый характер именно в Древней Греции, считают одним из триггеров развития интеллектуальной культуры: монета как всеобщее средство обмена является наглядным примером абстрагирования, обобщения [Seaford 2004; Schaps 2004]. Монеты выступают «визитными карточками» полисов, которые чеканят их: афинские оболы с изображением совы, родосские – розы, кносские – лабиринта, коринфские – пегаса, эфесские – пчелы. Иногда знаковая игра монетного чекана усложняется; так, на одном из ранних оболлов Абдер неожиданно изображён Пифагор, и это, похоже, вообще первое изображение философа или учёного на монете. В случае Римской империи она ещё и источник информации – политической, военной, религиозной. Даже в современности наличные деньги несут ряд функций политической и культурной пропаганды. Станным было бы их отсутствие у монеты древней, особенно у древнеримской, обращавшейся в огромном, мировом государстве. Умноженный в тысячах копий профиль императора сообщал мириадам подданных информацию о его облике, здравии, расположенности к нему богов [Crawford 1983, 47–64].

Впрочем, порой высказываются сомнения по поводу реальности или результативности таких функций у монет. Как писал в своё время А. Джонс, «в периоды преобладания неграмотности визуальные символы использовались чаще и были более понятны всем. Тем не менее, сомнительно, были ли сложные послания, которые некоторые нумизматы выводят из типов монет, предназначены для передачи, и ещё более сомнительно, были ли они поняты массами. В отношении Средних веков мы лучше информированы из литературных источников о значении изображений; мы знаем, что символика была проста до грубости. Вряд ли мы вправе предполагать гораздо большую тонкость у среднего жителя Римской империи» [Jones 1956, 13–34, 15]. Ф. Миллар вообще высказывал скепсис в оценке монет как средств пропаганды: мы не знаем, кто заказывал дизайн монет, изображения и надписи на них, участвовал ли в этом император и советники, как центр влиял на чеканы монет в провинциях, каковы были результаты пропаганды в реальности: прямых исторических свидетельств об этом практически нет [Millar 1984, 38–39].

Во многом подобные сомнения имеют своей причиной эмпирицистскую методологию, всё в большей степени проникающую в гуманитарные науки. То, что не обнаружено в тексте, материальном артефакте, становится частью «вещи-в-себе», но не в кантовском, а в позитивистском смысле: частью того, что не может быть предметом научного обсуждения и учёта – даже если это нечто представляется очевидным. Широко известен рассказ Кассия Диона о монете, отчеканенной

Марком Юнием Брутом. Упоминание мартовских ид и изображение головного убора вольноотпущенника прямо расшифровывалось историком как претензия на статус освободителя отечества¹. То, что мы не встречаемся в древнеримских текстах с обилием примеров подобных «расшифровок», может свидетельствовать не об отсутствии на монетах некоторых символических посланий подданным, способным их без труда «дешифровать», а как раз о развитой практике таковых посланий, которые были чем-то само собой разумеющимся, а потому не требовали отдельных упоминаний и описаний. Уже тот факт, что изображения человека, а конкретнее – политика, впервые на римских монетах появляются лишь в I в. до н.э., в период острой политической борьбы, свидетельствует об их значимости в сфере публичной пропаганды [Ахиев 2015, 47–51]. Однажды использованный метод не мог не использоваться и далее.

Как косвенное подтверждение нашей мысли можно упомянуть ещё две истории, поведанные античными авторами. Первую рассказывает Геродиан. Когда Септимий Север, готовясь к войне с узурпатором Песциннием Нигером, решил обезопасить свой тыл, он вступил в переговоры с правителем Британии Клодием Альбином и даже приказал сенату отчеканить монеты с изображением последнего, демонстрируя его, таким образом, как соправителя (Herod. Hist. II 15.5). Прямой политический подтекст этого жеста, который должен был успокоить британского наместника и создать в глазах населения иллюзию сотрудничества двух правителей, очевиден. Вторую, даже более показательную, сообщает Аммиан Марцеллин. Когда Прокопий, двоюродный брат Юлиана Отступника, попытался отобрать власть у императора Иовиана и поднял в Константинополе мятеж, то, «выбрав несколько дерзких смельчаков, он отправил их для захвата Иллирика. Полагаясь вместо всего другого лишь на свою наглость, они распространяли золотые монеты с изображением нового государя» (Amm. Res Gest. XXVI 7.10). Возможно, это были известные нам золотые солиды Прокопия с девизом: FEL<icia> TEMP<ora> Reparatio («Восстановление счастливых времён»).

Приняв во внимание эти примеры, мы хотим указать на то, что изображения (и надписи) на монетах могут стать свидетельством о том, каким образом император понимал свою политическую субъектность, в том числе в контексте «нумизматической теологии» – изображений божеств, посвящённых им животных или символов на монетах. В качестве примера можно указать на монетную пропаганду Октавиана Августа, особенно связанную с установлением культа Юлиев [Абрамзон 1995, 331–355]. Не так давно была поднята тема отражения политической теологии и теургии Юлиана Апостата в его денежных эмиссиях. Монеты Юлиана выражают претензию императора на особенный статус, указывают на «внутрен-

¹ «...Помимо прочего, Брут чеканил монеты, где изображались шапка вольноотпущенника и два кинжала; их внешний облик, не говоря уже о надписи, подсказывали, что он, вместе с Кассием, принёс свободу своему отечеству» (Dio Cass. XLVII 25.3). Вообще мы знаем, что на монетах «тираноубийц» были широко представлены Свобода в качестве богини, Аполлон и его символ – дельфийский треножник (Аполлон также был связан с темой освобождения), образы божественных братьев Кастора и Поллукса, некогда спасших римскую армию в битве при Регилльском озере (496 до н.э.), последние – как явные параллели Бруту и Кассию. Надпись Eidibus Martiis (EID MAR), которую отмечают на некоторых их монетах, прямо указывала на «мартовские иды», т.е. на факт и время убийства тирана. Всё это однозначно свидетельствует о функции пропаганды, которую исполняли монеты цезареубийц.

ний мессианиззм» Юлиана, его ощущение себя в качестве орудия в божественных руках. В частности, это можно увидеть на его «бычьих» монетах, чеканившихся по всей империи – от Арля до Кизика [Ведешкин и др. 2024, 286–288].

Продолжая ту же линию исследования, мы хотели бы предложить наблюдения над монетами покровителя Плотина императора Публия Лициния Эгнация Галлиена (самост. правление: 260–268). Близость к основателю неоплатонизма, подчёркивание своей принадлежности к эллинской культуре, терпимость к христианству² создают предпосылки к тому, чтобы увидеть в деятельности Галлиена чуть ли не порывы философского культуртрегерства. Однако не слишком богатые исторические источники по периоду его правления (в отличие от Октавиана Августа, Константина Великого или Юлиана Отступника) не позволяют делать однозначных выводов и прямых оценок. К тому же, в целом критическое отношение авторов «Истории Августов», Аврелия Виктора, Флавия Евтропия к его личности, особенно к самостоятельной части его царствования (ср.: *Aur. Vict. De Caes. XXXIII* 3–7), также приводит некоторых исследователей к скептическим выводам. Вот, например, что пишет Дж. Брэй по поводу его религиозной политики:

На мой взгляд, он не был убеждённым и добросовестным приверженцем какой-либо веры или философии. Его религиозные действия, похоже, были лишь формальными и поверхностными, или же ролями, исполняемыми как бы в театре... Как я уже упоминал, тем, кто стремится реабилитировать его репутацию, больно признать, что ему не хватало ни римского традиционализма, ни эллинского трансцендентализма. Тем не менее я думаю, что у него не было ни того, ни другого [Bray 1995, 260].

Подобный скептицизм совпадает с общим тоном «Истории Августов» и других перечисленных выше авторов: Галлиен (ил. 1) – небесталанный, но легкомысленный правитель, больше занятый своей персоной и удовольствиями, чем стратегическим управлением государством³. Безусловно, эта позиция оспаривается многими современными историками: в области административных и военных реформ Галлиен предвосхитил те практики, которые будут свойственны Аврелиану и Диоклетиану⁴. Процесс превращения принципата в доминат в его

² Евсевий Кесарийский указывает на «веротерпимые» законы Галлиена (*Euseb. Hist. Eccl. VII* 13.1).

³ См. «Жизнеописания Августов» (пер. С. П. Кондратьева): «Сердце его зачерствело от наслаждений, и он только спрашивал у окружающих его людей: “Что у нас на завтрак? Какие приготовлены удовольствия? Что будет завтра в театре и в цирке?”» (*Hist. Aug. Hal. IX* 3).

⁴ Вот что пишет о Галлиене П. Саутерн: «За неимением лучшего названия историки говорят о реформах армии и госуправления, проведённых Галлиеном, и действительно, внесённые им изменения оправдывают такое описание, но полный смысл термина “реформы” подразумевает, что где-то на заднем плане должна иметься осознанная и скоординированная политика, неспешно планируемая и своевременно реализуемая в соответствии с надлежащей правовой процедурой. Галлиен не имел роскоши планирования будущего, поскольку большую часть своего правления он занимался тушением пожаров, а не планированием, и ему везло, если он оставался на шаг впереди. Его меры принимались с учётом крайне краткосрочных целей, главным образом, выживания, а защита и возмещение потерь следовали сразу за ними» [Southern 2001, 185; см. также: Blois 1976]. Это суждение, конечно, имеет слишком резкий характер: в правление Галлиена имелись и относительно «спокойные» периоды, в частности, связанные с его пребыванием в Афинах. Но совершенно точно, что времени на долгосрочное планирование и постепенные реформы у него не было.

правление становится необратимым, как и радикальное изменение характера армии. Империя всё в большей степени дистанцировалась от аристократически-республиканских «пережитков»: так, сенат оказался фактически отделён от военного командования (Aur. Vict. De Caes. XXXIII 34). Централизация власти представлялась необходимым условием выживания государства в ситуации постоянных узурпаций, а также угрозы варварских вторжений.

Ил. 1. Голова Галлиена. Берлин. Altes Museum. Мрамор. 253–260. Фото: Gary Todd, 2016
Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Marble_Bust_of_Emperor_Gallienus,_253-260_AD_\(28657875801\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Marble_Bust_of_Emperor_Gallienus,_253-260_AD_(28657875801).jpg)

Вопрос заключается в том, как и каким образом эти перемены отражались в наглядной пропаганде Галлиена и стояла ли за ними исключительно политическая необходимость (как она понималась императором), или же правитель опирался на изменившиеся представления о природе и сути самой верховной власти.

Существует определённый соблазн сблизить отдельные стороны политики Галлиена с философской концепцией Платона. Как известно, государь даже был согласен на создание по платоновской модели города философов в Кампании (Porph. Vita Pl. 12.1), что, очевидно, должно было подчеркнуть исключительность его режима и той эпохи, в которой он осуществлялся: «кайрос» для проектов, которые доселе существовали разве лишь на небесах⁵. Галлиен и его супруга Салонина покровительствовали греческой культуре, демонстрируя подчёркнутое эллинофильство. Галлиен исполнял (пусть чисто символически) функции архонта в Афинах, они с супругой побывали в этой древней столице мудрости и искусств

⁵ См. «Государство» Платона (пер. А. Н. Егунова): «Но быть может, есть на небе его образец, доступный каждому желающему: глядя на него, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно – это совсем неважно» (592 b).

(в отличие от подавляющего числа других римских императоров, даже тех, кто правили в более спокойные периоды истории), возможно, даже получив посвящение в Элевсинские мистерии (Hist. Aug. Hal. XI 3). Существует основательная аргументация в пользу историчности данного эпизода [Armstrong 1987, 235–258]. Сам император был известен как оратор и поэт (Hist. Aug. Hal. XI 6). Особенно показательным видится его внимание к Солнцу: лучистая корона императора, изображаемая на монетах и на бюстах (ил. 2), осыпание золотой пудрой своей прически (Hist. Aug. Hal. XVI 4), проект создания колоссальной статуи, изображающей Галлиена в виде бога-Солнца (Hist. Aug. Hal. XVIII 2–5).

Ил. 2. Антониниан Галлиена. Римский монетный двор, после 260

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

«Солнечный» лик Галлиена особенно «соблазнителен» и в контексте платоновской метафоры идеи блага как умопостигаемого Солнца, и в свете частых апелляций Плотина к благу как высшему Солнцу [Blois 1989, 69–82; Штаерман 1987, 277–283]. Однако Галлиен был не единственным римским правителем, который апеллировал к богу Солу-Солнцу. Ещё императоры династии Юлиев-Клавдиев использовали «солнечную корону», золотая пудра также была довольно распространённым атрибутом «парадного» внешнего облика [Абрамзон 1995, 343, 382]. Можно лишь предположить, что уже имеющиеся формы презентации правителя и его империума через образ Солнца сочетались у Галлиена с философскими представлениями, усвоенными благодаря Плотину, и стали одной (но не обязательно доминирующей) из метафор отличия государя от подданных, метафорой существа его жизни и деятельности.

Вместе с тем нельзя не заметить, что, казалось бы, направленная исключительно на возвышение обратившегося к мудрости адепта философия Плотина со всеми её установками на созерцание и мистический сверхразумный опыт, со знаменитым бегством от этого мира в «отчий дом» Разума и Блага (единого – к Единому: Enn. VI 9.11), тем не менее, включает в себя определённые намётки политической программы, которые в дальнейшем будут развиты более поздними неоплатониками – Ямвлихом, Юлианом, Проклом. Мы не станем касаться обсуждения города философов – планировавшегося Каллиполиса / Платонополиса в Кампании, его

возможного общественного строя (создавался бы он на основании «Государства» или всё же «Законов»?)). Есть некоторые более фундаментальные вещи, которые можно обнаружить в «Эннеадах», и два десятилетия назад нам напомнил о них Доминик О'Мира в своей монографии «Платонополис. Платоническая политическая философия в Поздней Античности» [см.: О'Меара 2003].

Развивая подход уважаемого коллеги к определению места политического в сотериологической метафизике Плотина, обратим внимание прежде всего на тот факт, что в неоплатонических представлениях космос пронизан божественной активностью на самых разных своих уровнях. Конечно, чем «ниже» уровень, тем более низкой является её интенсивность, но там, где она завершается, завершается и космос. Это странное и противоречивое «место» завершения эманации блага Плотин называет «материей тел», полагая её истоком всяческого зла. В связи с этим активность любого из уровней мироздания, которое имеет собственную субстанциальность (ипостасность), возможна лишь в связи с присутствием в нём божественности, а наиболее «правильная» активность является таковой только при условии постоянного «огляда» на высшее, конечной устремлённости к нему.

Таковая устремлённость имеет последовательный характер. Нельзя взойти к первоначалу, если мы не соблюдаем, например, весь необходимый набор добродетелей, о которых говорил ещё Платон. Сам Плотин, как известно, был аскетом, то есть следовал требуемой в платоновском «Государстве» воздержанности. Мы знаем о его участии в несчастливом походе Гордиана III против персов. Это означает, что и мужество также было частью «морального куррикулума» мыслителя. Порфирий описывает его как мудрого (хотя порой и своеобразного) учителя, что делает Плотина справедливым человеком, – с этим связана и забота о сиротах из числа знатных людей, о которой сообщает биограф (Porph. Vita Pl. 9). Таким образом, все «политические» добродетели, причастность к которым является необходимым условием перехода к добродетелям философским, созерцательным, налицо.

Однако для Плотина политические добродетели – необходимое, но не достаточное условие обожения (Enn. I 2.2.13–20). Обладающий политическими добродетелями субъект лишь подобен богу: «те, кто обладают политическими добродетелями, уподобляются богу» (Enn. I 2.2.25–26). Богу же таковые добродетели не нужны, он по определению бесстрастен и мудр. В нём есть лишь «эйдосы» добродетелей, но не сами добродетели, которые являются некоторыми состояниями, а не той природой, каковой они уподоблены (Enn. I 2.3.31, 6.14–18). В таком контексте политические добродетели и правильная политическая субъектность (то есть должное пользование названными добродетелями) у Плотина являются средствами пути к богу. Тот, кто оказался способен к очистительным добродетелям, «будет всецело жить не жизнью человека, даже человека доброго, такой, которой от нас требует политическая добродетель, но, оставив такую жизнь, он выберет иную, жизнь богов: ведь именно им, а не добрым мужам, он уподобляется» (Enn. I 2.7.22–28). Получается, что, по Плотину, тот, кто обладает политическими добродетелями, ещё не обязательно обладает добродетелями высшими; обладающий же последними непременно обладает первыми (Enn. I 2.7.10–13). Но божественная жизнь привлекает его больше, чем жизнь политическая.

Тем не менее, созидание философского субъекта (необходимым образом теряющего себя в сверхсубъектности Единого) требует предварительной «политической»

части. А потому обращение к философии делает, по логике Плотина, жизнь политическую, гражданскую, более справедливой. И уже поэтому правитель, занявшийся философскими штудиями, которые склоняют его к теоретическому образу жизни, всё равно в своей политической ипостаси меняет всё вокруг себя. Обратим внимание, к тому же, вместе с Домиником О'Мирой на последний трактат шестой Эннеады [О'Меара 2003, 74], где Плотин приводит в качестве примера Миноса и, указав на душу, которая после своего воссоединения с Единым не может не сообщить об этом опыте, добавляет следующее: «Также возможно, что именно по той причине, что Минос достиг такого рода союза, он, как об этом говорится, был близким другом Зевса, и именно вспоминая об этом, установил законы по высшему образу, будучи исполнен законотворчества благодаря божественному прикосновению» (Енп. VI 9,7,23–28). Хотя буквально сразу после этого Плотин говорит о возвысившейся до Единого душе, которая может не захотеть возвращения в политическую реальность, тем не менее, пример Миноса показателен. Совершенные законы устанавливаются совершенными правителями, которые могут быть таковыми, только если они обладают высшими, а не исключительно политическими добродетелями. Подлинная политическая субъектность в таком случае имеет свой корень в добродетелях сверхполитического уровня и требует от законодателя и царя философского возвышения и мистического соприкосновения с Началом.

Насколько Галлиен был увлечён созданием образа философа-царя, конечно, сказать трудно, как и то, насколько он всерьёз был вовлечён в собственно философские практики Плотина, без которых обретение статуса Миноса было бы невозможно. Но если подобные попытки и имели место быть, то, скорее всего, в период особенно активной части эллинофильской деятельности Галлиена, приходящейся на 262–265 годы, период, последовавший за празднованием императором десятилетия своего правления⁶. Хотя империя в это время фактически распалась на три государства, из которых одно («Пальмирское царство») было хотя бы внешне лояльно Риму, другое же («Галльская империя» Постума) было ему враждебно, Галлиен, похоже, стремился доказать, что его правление и лично он воплощают искомый «золотой век», эпоху мира и достатка⁷, культурной полноты и счастья, возвращает «ту самую» чудесную древность.

Монетные выпуски Галлиена достаточно подробно изучены, а сами монеты и их нумизматические описания неоднократно издавались⁸. Исследуются разные контексты и аспекты его монетного дела и семантики изображений на монетах. Обратим внимание на статью Давида Серрано Ордосгоити «Самопрезентация власти императора Галлиена (253–268) на монетах, чеканившихся на монетных дворах Сегестики и Виминациума» [Ordozgoiti 2023, 291–318]. В ней достаточно хорошо показано различие в образе Галлиена во время его правления совместно с Валерианом и в период его собственного царствования. Автор отмечает несо-

⁶ Напомним, что правление Галлиена началось в 253 г. в качестве соправителя его отца Валериана.

⁷ Евсевий Кесарийский цитирует одно из писем Дионисия, епископа Александрийского: «Царство, словно стряхнув с себя ветхость и очистившись от бывшего зла, процветёт в полной мере, оно видно и слышно отовсюду, проникает повсеместно» (Euseb. Hist. Eccl. VII 23.3).

⁸ См. помимо цитированных выше общих работ, связанных с семантикой древнеримской нумизматики: Göbl 2000; Weigel 1990; Manders 2012, 269–311; Reinhardt 2022.

мненное сходство в «репертуаре» богов и ценностей, представленных на монетах, предназначенных для оплаты в первую очередь дунайских легионов. Однако имеются и существенные различия.

Монетный двор Виминациума активно действовал до подавления Валерианом и Галлиеном узурпации Ингенуя в 358 или 360 г. Здесь император в большей мере презентовал себя солдатам как благочестивого и угодного богам правителя, что видно в тех случаях, когда он изображался на реверсе монеты (ил. 3). На медальонах же и монетах, отчеканенных в Сегестике, Галлиен выступает на реверсе в роли воина, победителя, олицетворения военной мощи Рима (ил. 4). Вполне возможно, это было связано и с изменением его политики в отношении армии: солдаты слишком часто поддерживали или даже организовывали узурпации, в их глазах Галлиен должен был стать символом непобедимости и могущества.

Ил. 3. Антониниан. Отчеканен в Виминациуме, ок. 255.

Аверс: IMP CP LIC GALLIENVS AVG (император Цезарь Публий Лициний Галлиен Август), лучистая корона, драпированный бюст, повёрнут вправо.

Реверс: RESTITVT GENER HVMANI (восстановитель рода человеческого), Император идёт вправо, держит шар мироздания и поднимает правую руку

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

Ил. 4. Медальон. Отчеканен в Сегестике.

Аверс: IMP GALLIENVS P F AVG (император Галлиен благочестивый верный Август), в лавровом венке, бюст в кирасе, повёрнут вправо, цветочный орнамент на правом наплечнике.

Реверс: VIRTVS AVG (доблесть Августа), император с непокрытой головой, в военной форме, плащ развевается на плечах, скачет на коне влево, с копьём, направленным в сторону бородастого варвара в германской одежде, который стоит на коленях и с мольбой поднимает руки

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

Статистические методы, связанные с исследованием типов и числа монет в различных эмиссиях Галлиена, дошедших до нас, достаточно часто используются в современных исследованиях. Так, Эрика Мандерс провела анализ того, как менялся характер римских монет в первую очередь с точки зрения номенклатуры божественных персон, символики и надписей на них. Сравнивая монетные выпуски Деция Траяна и Галлиена, она обнаруживает примечательный факт: если первый активно использует на своих монетах образы, идеи и символику «добрых» императоров династии Антонинов, особенно Траяна, то монеты Галлиена имеют прямые или опосредованные отсылки к эпохе Октавиана Августа и установления в Риме единовластия. Исследовательница обращает внимание на увеличение числа «солдатских» монет, что отражает всё возрастающие проблемы, возникающие перед империей, и высказывает предположение, что изменения в визуальной денежной политике Галлиена связаны не только с новыми внешними вызовами, но и с изменением «идеологии правления». Общий её вывод таков: «По крайней мере в III веке императоры распространяли уникальные визуальные программы через свои монеты» [Manders 2012, 308].

Подтверждением этой точки зрения могут стать девизы на монетах Галлиена. В частности, там обнаруживается достаточно много понятий, подтверждающих или заверяющих верность легионов и особые качества государя: *CONSERVATOR EXERCITUM* (Хранитель войска), *GENIVS EXERCITUM* (Гений войска), *PIA FIDELIS* (Благочестие верности), *VIRTVS AVGG* (Доблесть Августов). Особенно выделяется его религиозность: *RELIGIO AVGG* (Благочестие Августов). Здесь Галлиен не оригинален в сравнении с другими императорами, но вновь отметим обилие монет, выпущенных для легионеров: возможно, он стремился к подтверждению верности себе со стороны воинов, что было крайне важно после поражения и пленения его отца Валериана и центробежных событий, начавшихся после этого. Вероятно, с той же целью Галлиен настойчиво подчёркивает добродетели, свойственные его царственной персоне: *Virtus, Pietas, Clementia, Iustitia, Aequitas, Liberalitas, Providentia, Indulgentia* – все они появляются на различных монетных выпусках [Blois 1976, 138–143; Manders 2012, 292–293].

Не следует, конечно, забывать, что Галлиен создал ряд новых монетных дворов, и сделал это для того, чтобы оплата легионерам не требовала излишне сложной и длительной «логистики». Этим также может быть вызвано разнообразие монетных типов. Нужно также иметь в виду и то, каковы были «тиражи» монет. Некоторые могли предназначаться для определённого круга людей, другие – конкретным легионам, третьи – отдельным регионам. Учитывая это, отметим, что разнообразие эмблематики и отсутствие унификации очевидно указывают на то, что каждый из монетных выпусков имел определённую «целевую группу», являлся своего рода уникальным признанием её заслуг (или выражал надежду на её будущие заслуги). Вместе с тем в случае Галлиена монетное разнообразие связано и с чем-то большим.

Е. М. Штаерман, говоря о правлении Галлиена, отмечает «беспрецедентно широкий набор богов на его монетах; отчасти могли играть роль его известные реставраторские тенденции, но, скорее всего, основным было стремление укрепить императорский культ, связав его со всеми популярными в разных слоях населения богами как личными хранителями императора, дававшими ему власть;

с идеей вечности, счастливого века, наступившего благодаря добродетелям и заслугам императора, его дарованному богами счастьем, “харисме”» [Штаерман 1987, 287]. Это безусловно точное наблюдение, которое только подтверждается наличием указанного выше эдикта о веротерпимости в отношении христиан. Монеты Галлиена, конечно, не несут христианской символики, зато они охватывают множество традиционных для Рима и Эллады языческих божественных существ и персонажей, их эмблем, которые могли быть понятны самым далеким от «ядерной» религиозной повестки подданным.

Елена Штаерман видит в монетах Галлиена отсыл к заверению подданных в том, что правление Галлиена поддерживается всем пантеоном «отеческих богов». Но мы предлагаем сделать ещё один шаг к уточнению ситуации. Действительно, с пленением отца-соправителя ситуация для Галлиена существенно поменялась, как, вероятно, поменялась и его оценка природы власти, её происхождения и задач. Могло ли в этом случае измениться и представление о его политической субъектности? Формально сделав своим соправителем сына Салонина, он, тем не менее, был единственным конечным актором в принятии политических решений. Сочетание традиционного политеизма и абсолютизма в политическом управлении в случае Галлиена не приводит к появлению отдельного, избранного, наиболее почитаемого из богов (несмотря на все аллюзии с Солнцем, это, скорее всего, общая метафора, подчёркивавшая место и роль Сола-Гелиоса в мироздании, а не указание на личного бога). Зато Галлиен оказался под покровительством сонма божеств и обожествлённых понятий, отчего его субъектность становится для подданных абсолютной и в то же время конкретной. Среди богов, появившихся на монетах в период единовластного правления Галлиена, – Нептун, Минерва, Либер, Эскулап, Серапис, Геркулес, Меркурий, Янус и Вулкан⁹.

Для подданного, как и для легионера, визуальное богатство монет становилось признаком поддержки императора всей божественной экуменой. Это и не удивительно: именно Галлиен – носитель основных «доблестей», поддерживающих процветание империи, её внутренний мир и согласие, неминуемо возвращающийся «золотой век» и внешний военных успех. Доблести Галлиена выражались в эллинофильстве, установке на возрождение «классической» культуры, попытках демонстрации процветания государства (даже вопреки реальным фактам узурпаций и варварских вторжений), в щедрости правителя. К этому добавлялась демонстрация военного успеха Галлиена и верности его воинов (на «легионерских» монетах).

Обилие различных богов на монетах Галлиена в прямом смысле выступало видимой претензией последнего на роль центральной фигуры в богочеловеческой коммуникации (в её языческом понимании). Будучи «по определению» великим понтификом, Галлиен не стал претендовать на статус реального верховного иерея империи, как впоследствии это будет делать Юлиан Отступник [Светлов

⁹ Две странные монеты с текстом GALLIENAE AVGVSTAE, где облик императора приобретает как будто бы даже феминные черты, в наше время интерпретируются как отсылка к пальмирской богине Алатте, которая даровала победу Оденату над персами. При таком их прочтении успех Одената был обеспечен божественной волей императора, которому милостиво покровительствовала эта богиня [MacCoul 1999, 238]. Сирийская богиня добавляется к римским и греческим покровителям государя.

2022, 231–239]. Но его монеты демонстрировали, что он и без этого прямо связан с пантеоном богов. Как минимум одиннадцать богов на монетах Галлиена сопровождаются надписью: [такому-то богу] CONS AVG (Conservatori Augusti), то есть хранителю, защитнику государя. Его политическая субъектность опиралась на теологический жест, ставящий императора в центр божественного внимания: посягательство на такое лицо являлось святотатством против всего божественного пантеона. В отличие от эпической мифологии, в которой боги и богини часто разделялись на два лагеря, поддерживая какого-то из персонажей или борясь против него (Троянская война, миф об Энее и т. д.), здесь никаких противоречий быть не могло. Тот, кто выступал против Галлиена, становился противником не только Imperium Romanum, но и всего собрания богов.

Знаменитый «бестиарий» – «звериная» серия монет Галлиена, выпущенная в последние годы его правления, – становится ещё одним свидетельством покровительства ему со стороны богов через образы зверей, которые ассоциировались с какими-то эпизодами из жизни божеств (например, коза, вскормившая Зевса, грифон, на котором путешествует Аполлон) или были связаны с их «зоной ответственности» [Weigel 1990, 135–143; Wolkow 2019]¹⁰. Вот несколько антонинианов из этой серии (ил. 5–7). Животные здесь и олицетворяют собой божественные сущности, и как бы посвящаются конкретному богу. Изображение на монете, имеющей собственную стоимость, становится символическим жертвоприношением. Обратим внимание на то изображение, где Диане оказывается посвящён лось (ил. 8). Власть Артемиды / Дианы распространяется на весь звериный мир, в том числе и на обитателей северных лесов, которые порождали варварские орды, нападавшие на римские границы. Возможно, апелляция к этому животному должна была символически повлиять на этот процесс – хотя бы в воображении того, кто держал в руках такую монету.

Ил. 5. Антониниан. Отчеканен в Риме.

Аверс: GALLIENS AVG (Галлиен Август), в лучистой короне.

Реверс: DIANAE CONS AVG (Диане, хранительнице императора), антилопа, шагающая направо

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

¹⁰ Отметим, что эти монеты также предполагают образованность людей, их «читавших», принадлежность этих людей к эллино-римской культуре и знание ими классической мифологии.

Ил. 6. Антониниан. Отчеканен в Риме.

Аверс: GALLIENVS AVG (Галлиен Август), в лучистой короне.

Реверс: APOLLINI CONS AVG (Аполлону, хранителю императора), грифон, шагающий влево

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

Ил. 7. Антониниан. Отчеканен в Риме.

Аверс: GALLIENVS AVG (Галлиен Август), в лучистой короне.

Реверс: LIBERO P CONS AVG (Отцу Либеру, хранителю императора), тигрица, крадущаяся влево

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

Ил. 8. Антониниан. Отчеканен в Риме.

Аверс: GALLIENVS AVG (Галлиен Август), в лучистой короне.

Реверс: DIANAE CONS AVG (Диане, хранительнице императора), лось, идущий влево

Источник: <https://www.wildwinds.com/coins/ric/gallienus/i.html>

Покровительство принцепсу со стороны богов обеспечивает покровительство всему римскому народу; верность последнего государю превращается в необходимое условие безопасности и процветания каждого.

Когда-то в египетском Древнем Царстве фараон выступал гарантом праведности (Маат), олицетворяя собой верховную инстанцию в коммуникации с богами. Как известно, в дальнейшем носителями праведности становятся все египтяне, индивидуально отвечая за преступления перед ней на загробном суде. В римское время концепт праведности существенно дифференцировался, тематизируясь в божествах, олицетворявших различные её стороны: Fides, Victoria, Honos, Virtus, Concordia и др. Постепенно они переносятся с римского гражданского коллектива на конкретного политического деятеля (поздняя республика), затем – на государя. Их подкрепляют и другие традиционные римские (в восточных провинциях – греческие) божества, как и божества местные, понятные подданным. Галлиен, похоже, делает этот принцип тотальным, вовлекая в обеспечение своего «золотого века» всех «отеческих» божеств, себя же, как политического субъекта, представляя в качестве универсального и щедрого посредника между богами и своими подданными. Подобная стратегия не только продолжала принципы пропаганды более ранних императоров, но радикально усиливала их. При этом понятно, что она имела скорее кризисный характер: Галлиен действительно сталкивался с постоянными вызовами, особенно в последние годы правления, когда его деятельность стала походить на работу «пожарной команды». Безусловно, с этим связана и избыточность, разнообразие богов, девизов, визуальной пропаганды на его монетах. Как мы говорили, времени на продуманную и последовательную стратегию у него не было. Однако всё это не противоречит сказанному нами выше: «теология» монетных выпусков Галлиена отражает представления о его политической субъектности, которые император и его соратники стремились превратить в императивы служения ему и государству как для его воинов, так и для всех его подданных.

Библиография

- Абрамзон 1995 – Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва, 1995.
- Ахиев 2015 – Ахиев С. Н. Монетная пропаганда в позднереспубликанском Риме // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 47–51.
- Ведешкин и др. 2024 – Ведешкин М. А., Пантелеев А. Д., Светлов Р. В. Языческая утопия Юлиана Отступника. Калининград, 2024.
- Минак 2024 – Минак В. С. «Политический субъект» в учении Аристотеля о государстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2024. Т. 25. № 4. С. 25–33.
- Светлов 2022 – Светлов Р. В. Религиозная экумена империи в воззрениях Юлиана Отступника в контексте проекта восстановления Иерусалимского Храма // СХОАН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2022. Т. 16. № 1. С. 231–239.
- Штаерман 1987 – Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. Москва, 1987.
- Armstrong 1987 – Armstrong D. Gallienus in Athens, 264. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1987. Bd. 70. S. 235–258.

- Beaujeu 1955 – Beaujeu J. *La religion romaine a l'apogee de l'empire*. Paris, 1955.
- Blois 1976 – Blois L. de. *The policy of the emperor Gallienus*. Brill, Leiden, 1976.
- Blois 1989 – Blois L. de. Plotinus and Gallienus. *Fructus centesimus. Mélanges offerts à Gerard J. M. Bartelink à l'occasion de son soixante-cinquième anniversaire*. Ed. by A. A. R. Bastiaensen, A. Hilhorst, C. H. J. M. Kneepkens. Steenbrugis, 1989. Pp. 69–82.
- Bray 1995 – Bray J. *Gallienus. A study in reformist and sexual politics*. Adelaide, 1995.
- Crawford 1983 – Crawford M. H. *Roman Imperial coin types and the formation of public opinion. Studies in Numismatic Method Presented to Philip Grierson*. Ed. by C. N. L. Brooke, I. Stewart, J. G. Pollard, T. R. Volk. Cambridge University Press, 1983. Pp. 47–64.
- Deleuze, Guattari 1972 – Deleuze G., Guattari F. *L'Anti-Oedipe*. Paris, 1972.
- Göbl 2000 – Göbl R. *Moneta Imperii Romani*. 36, 43, 44. Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I. / Gallienus / Saloninus (253/268), Regalianus (260) und Macrianus / Quietus (260/262). Wien, 2000.
- Grant 1971 – Grant M. *From Imperium to Auctoritas: a historical study of aes coinage in the Roman Empire, 49 B.C. – A.D. 14*. Cambridge University Press, 1971.
- Jones 1956 – Jones A. *Numismatics and history. Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingli*. Oxford, 1956. Pp. 13–34.
- MacCoull 1999 – MacCoull L. *Gallienus the Genderbender. Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1999. 40. Pp. 233–239.
- Manders 2012 – Manders E. *Coining images of power. Patterns in the representation of Roman Emperors on Imperial coinage. A.D. 193–284*. Boston, 2012.
- Millar 1984 – Millar F. *State and subject: the impact of monarchy. Caesar Augustus: Seven Aspects*. Ed. by F. Millar, E. Segal. Oxford, 1984. Pp. 37–60.
- Mommsen 1865–1875 – Mommsen T. *Histoire de la monnaie romaine*. Paris, 1865–1875.
- Ordozgoiti 2023 – Ordozgoiti S. D. *Bellum ad Danuvinus Limes: the self-representation of Emperor Gallienus' power (253–268) through coinage from the Mints at Segestica and Viminacium. Sapiens Ubique Civis*. 2023. Vol. 3. Pp. 291–318.
- Reinhardt et al. 2022 – Reinhardt F., Sousa J. de, B. Heidemarie. *Gallienus antoninianii*. Portimão, 2022.
- Schaps 2004 – Schaps D. *The invention of coinage and the monetization of Ancient Greece*. University of Michigan Press, 2004.
- Seaford 2004 – Seaford R. *Money and the Early Greek mind. Homer, Philosophy, Tragedy*. Cambridge University Press, 2004.
- Southern 2001 – Southern P. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. London & New York, 2001.
- Suarez 2005 – Suarez R. *The encyclopedia of Roman Imperial coins*. Asheville, 2005.
- Weigel 1990 – Weigel R. *Gallienus' 'Animal Series' coins and Roman religion. The Numismatic Chronicle*. 1990. Vol. 150. Pp. 135–143.
- Wolkow 2019 – Wolkow S. *Catalogue des monnaies romaines. Gallien. L'émission dite «du bestiaire»*. Besançon, 2019.

References

- Ahiev 2015 – Ahiev S. N. The “coin propaganda” in the Late Roman Republic. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2015. Vol. 15. 4. Pp. 47–51. In Russian.
- Abramzon 1995 – Abramzon M. G. *Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire*. Moscow, 1995. In Russian.

- Armstrong 1987 – Armstrong D. Gallienus in Athens, 264. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1987. Bd. 70. S. 235–258.
- Beaujeu 1955 – Beaujeu J. La religion romaine a l'apogee de l'empire. Paris, 1955.
- Blois 1976 – Blois L. de. The policy of the emperor Gallienus. Brill, Leiden, 1976.
- Blois 1989 – Blois L. de. Plotinus and Gallienus. *Fructus centesimus. Mélanges offerts à Gerard J. M. Bartelink à l'occasion de son soixante-cinquième anniversaire*. Ed. by A. A. R. Bastiaensen, A. Hilhorst, C. H. J. M. Kneepkens. Steenbrugis, 1989. Pp. 69–82.
- Bray 1995 – Bray J. Gallienus. A study in reformist and sexual politics. Adelaide, 1995.
- Crawford 1983 – Crawford M. H. Roman Imperial coin types and the formation of public opinion. *Studies in Numismatic Method Presented to Philip Grierson*. Ed. by C. N. L. Brooke, I. Stewart, J. G. Pollard, T. R. Volk. Cambridge University Press, 1983. Pp. 47–64.
- Deleuze, Guattari 1972 – Deleuze G., Guattari F. *L'Anti-Oedipe*. Paris, 1972.
- Göbl 2000 – Göbl R. Moneta Imperii Romani. 36, 43, 44. Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I. / Gallienus / Saloninus (253/268), Regalianus (260) und Macrianus / Quietus (260/262). Wien, 2000.
- Grant 1971 – Grant M. From Imperium to Auctoritas: a historical study of aes coinage in the Roman Empire, 49 B.C. – A.D. 14. Cambridge University Press, 1971.
- Jones 1956 – Jones A. Numismatics and history. *Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingli*. Oxford, 1956. Pp. 13–34.
- MacCoull 1999 – MacCoull L. Gallienus the Genderbender. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1999. 40. Pp. 233–239.
- Manders 2012 – Manders E. Coining images of power. Patterns in the representation of Roman Emperors on Imperial coinage. A.D. 193–284. Boston, 2012.
- Millar 1984 – Millar F. State and subject: the impact of monarchy. *Caesar Augustus: Seven Aspects*. Ed. by F. Millar, E. Segal. Oxford, 1984. Pp. 37–60.
- Minak 2024 – Minak V. S. “Political subject” in Aristotle's doctrine of the state. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2024. Vol. 25. 4. Pp. 25–33. In Russian.
- Mommsen 1865–1875 – Mommsen T. Histoire de la monnaie romaine. Paris, 1865–1875.
- Ordozgoiti 2023 – Ordozgoiti S. D. Bellum ad Danuvinus Limes: the self-representation of Emperor Gallienus' power (253–268) through coinage from the Mints at Segestica and Viminacium. *Sapiens Ubique Civis*. 2023. Vol. 3. Pp. 291–318.
- Reinhardt et al. 2022 – Reinhardt F., Sousa J. de, B. Heidemarie. Gallienus antoninianii. Portimão, 2022.
- Schaps 2004 – Schaps D. The invention of coinage and the monetization of Ancient Greece. University of Michigan Press, 2004.
- Seaford 2004 – Seaford R. Money and the Early Greek mind. Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge University Press, 2004.
- Shtaerman 1987 – Shtaerman E. M. The social foundations of the religion of Ancient Rome. Moscow, 1987. In Russian.
- Southern 2001 – Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. London & New York, 2001.
- Suarez 2005 – Suarez R. The encyclopedia of Roman Imperial coins. Asheville, 2005.
- Svetlov 2022 – Svetlov R. V. Julian the Apostate's interpretation of the religious ekumene of the Empire in the context of the project for the restoration of the Jerusalem Temple. *ΣΧΟΛΗ. Philosophical Antiquity and the Classical Tradition*. 2022. Vol. 16. 1. Pp. 231–239. In Russian.

- Vedeshkin et al. 2024 – Vedeshkin M. A., Panteleev A. D., Svetlov R. V. The pagan utopia of Julian the Apostate. Kaliningrad, 2024. In Russian.
- Weigel 1990 – Weigel R. Gallienus' 'Animal Series' coins and Roman religion. *The Numismatic Chronicle*. 1990. Vol. 150. Pp. 135–143.
- Wolkow 2019 – Wolkow S. Catalogue des monnaies romaines. Gallien. L'émission dite «du bestiaire». Besançon, 2019.

Информация об авторах

Рустам Баевич Галанин

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, 6

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7143-0727>

e-mail: mousse2006@mail.ru

Анатолий Григорьевич Курбатов

магистр философии, преподаватель

Санкт-Петербургская духовная академия

Российская Федерация, 191167, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, 17

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7583-2883>

e-mail: anatolij.kurbatov.95@mail.ru

Вячеслав Сергеевич Минак

магистр философии, аспирант

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского

Российская Федерация, 191011, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6252-7883>

e-mail: ordogeometricus@mail.ru

Information about the authors

Rustam B. Galanin

Cand. Sci. (Philosophy), Senior Research Fellow

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7143-0727>

e-mail: mousse2006@mail.ru

Anatolij G. Kurbatov

Master of Philosophy, Lecturer

St. Petersburg Theological Academy

17, Obvodny Canal Embankment, St. Petersburg, 191167, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7583-2883>

e-mail: anatolij.kurbatov.95@mail.ru

Vyacheslav S. Minak
Master of Philosophy, PhD Student
Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities
15, Fontanka Embankment, St. Petersburg, 191011, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6252-7883>
e-mail: ordogeometricus@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 24.02.2025

Принят к публикации / Accepted 30.09.2025